

РОМАНТИКА ТАЙНА ЛЮБОВЬ

*Mary
Stewart*

THE IVY TREE

Мэри Стюарт

ДЕРЕВО,
УВИТОЕ ПЛЮЩОМ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
С 11

Mary Stewart
THE IVY TREE

Copyright © 1961 by Mary Stewart. The Author asserts
the right to be identified as the Author of the work.
First published in the English language by Hodder
and Stoughton Limited

Перевод с английского *М. Виноградовой*

Художественное оформление *В. Безкровного*

С 11 Стюарт М. Дерево, увитое плющом / Мэри Стюарт ; [пер. с
англ. М. И. Виноградовой]. — М. : Эксмо, 2013. —
480 с. — (Мэри Стюарт. Романтика, тайна, любовь).

ISBN 978-5-699-64673-9

Молодая девушка, называющая себя Мэри Грей, получает неожиданное и на первый взгляд безумное предложение — выдать себя за богатую наследницу, исчезнувшую восемь лет назад внучку владельца поместья Уайтскар, на которую она необыкновенно похожа. Так, по крайней мере, утверждает управляющий поместьем Коннор Дермотт, сделавший ей это предложение. Мэри Грей соглашается участвовать в опасной аванюре. Однако цели, которые она при этом преследует, прямо противоположны тем, которых пытается достичь Коннор.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Виноградова М., перевод на русский язык, 2007
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64673-9

Посвящается Фредит и Томасу Кемп

Как в городе тяжело девчонке-бедняжке,
Попавшей туда из родного села.
Девчонка вздыхает и горько рыдает:
«Ах, если б домой я вернуться могла!
И ясень, и дуб, что увит плющом,
Растут на севере миллом моем.
Такую красотку всяк взял бы в охотку,
Но руку и сердце получит лишь тот,
Кто юность свою провел в том краю
И снова на север меня увезет.
Ах! Ясень и дуб, что увит плющом,
Зелены в краю родимом моем!»

Народная песня XVII века

– 1 –

Ты бывал ли в Ньюкасле?
Не оттуда идешь ли?
Мою милую ты не встречал?

Народная песня

Я словно очутилась одна на сошедшем с холста пейзаже. В ярко-синем небе недвижно висели курчавые, как цветная капуста, облачка. Под ними вздымались и опадали голубые складки холмистой гряды — подножия Пеннин, плавно переходивших в туманную зелень равнины, где вдаль виднелись крохотные, точно веточки петрушки, деревья — наверное, признак человеческого жилья, строений и ферм. Но сейчас во всем этом безветренном диком пейзаже я не различала ничего созданного руками человека, если не считать уходящих вдаль линий — таких же древних, как расстилавшееся предо мной пастбище, — серой каменной кладки, надменной поступи великой Стены¹, которую воздвиг по всему Нортумберленду Адриан почти два тысячелетия назад.

---

¹ Имеется в виду Римский вал (Адрианов вал) — древнеримская стена, построенная по приказу императора Адриана для защиты северной границы Англии от нападения кельтов.

Нагретые блоки обтесанного римлянами камня пригревали мне спину. Я сидела у подножия поднимавшейся над обрывом Стены. Справа отвесно нависал утес над водой, тянущейся вдаль гладью Крэг-Лоха, ровной, точно блестящее на солнце стекло. Слева — безбрежный величественный вид на Пеннины. Впереди — стремящиеся на запад скалистые взгорья, кряж за кряжем, и каждый изгиб увенчан летящей, точно конская грива по ветру, Стеной.

В расщелине рядом со мной рос платан. Шальной порыв ветра внезапно тронул его листву. Шелест напоминал шум дождя.

Два ягненка, чья мать бродила где-то неподалеку, дремали, тесно прижавшись друг к другу, на теплом майском солнышке. Сперва они настороженно косились на меня, но поскольку я сидела совершенно неподвижно, лишь изредка поднося сигарету к губам, то спустя некоторое время две головки снова сонно склонились на пригретую траву.

Я сидела на солнце и думала. Думала ни о чем конкретном, но если бы меня попросили сформулировать мои мысли, я бы выразила их одним словом: «Англия». Этот дерн, это небо, покой трав, старые ряды прорезанных плугом полей, тихие древние призраки римской дороги и Стены, упорядоченная, сдержанная красота северных равнин — здесь, у моих ног, раскинулась сама Англия. Этот крошечный мир. Второй Эдем, почти рай...

И рай этот определенно был практически безлюден. Он принадлежал нам — мне, и ягням, и кроншнепам в небе, и рябчикам, янтарными искорками мелькавшим в упругой траве. Я вполне могла быть здесь первой и единственной женщиной, Евой, сидящей в лучах солнца и мечтающей об Адаме...

ДЕРЕВО, УВИТОЕ ПЛЮЩОМ

— Аннабель!

Он окликнул меня из-за спины. Я и не слышала его приближения — должно быть, он тихонько подкрался по мягкому дерну к южной части Стены, а пес бесшумно трусил за ним по пятам. Теперь они, и пес и хозяин, находились не далее четырех ярдов от меня.

Я резко обернулась, сигарета выпала из вздрогнувших пальцев и скрылась меж стеблей дикого тимьяна и желтых гусиных лапок, что мохнатились у основания римской кладки.

Краем глаза я заметила, как ягнята с жалобным блеянием пустились наутек.

Тот, кто разрушил мои грезы, остановился в двух ярдах от меня. Нет, не Адам — просто молодой человек в поношенном, практичном деревенском твидовом костюме. Высокий, гибкий. Что-то в его взгляде подсказывало, что в драке он будет опасным противником, а еще нечто явно говорило, что ему не нужно особых предлогов, чтобы ввязаться в любую уже и без него затеянную драку. Возможно, потому, что такой взгляд всегда ассоциируется с ирландцами, ибо относительно происхождения этого молодого человека не могло возникнуть ни малейших сомнений.

Он являл собой почти непревзойденный образец одного из характерных типов ирландской мужской красоты — черные волосы, ослепительно-голубые глаза и неотразимое обаяние, таящееся в изгибах длинного подвижного рта. От природы светлая кожа была тронута густым загаром — результатом скорее постоянного пребывания на свежем воздухе, чем просто действием солнца, — который обещал через двадцать лет превратить это лицо в красивую

маску из мореного дуба. В руке молодой человек держал тяжелую трость, а у ног его выжидательно застыл колли, прекрасное создание, наделенное той же пружинистой грацией разящего клинка, что и хозяин, — и тем же ореолом самоуверенной породистости.

Нет, не Адам этот пришелец в мой второй Эдем. Но вполне вероятно — змий. Выглядел он примерно столь же безвредно и дружелюбно, как черная мамба.

Он резко втянул в себя воздух — протяжный звук вполне мог бы сойти за шипение.

— Так это ты! Я знал, что не ошибся! Это ты... Старик всегда твердил, что ты не могла умереть и когда-нибудь непременно вернешься... и клянусь богом, кто бы подумал, что он прав?!

Он говорил негромко, но я затруднялась точно определить, какие именно чувства таились в глубине этого приятного голоса. Пес тоже это слышал. Было бы преувеличением сказать, что у него поднялась шерсть дыбом, но я заметила, как он моментально прижал уши, закатил глаза так, что показались белки, а густой, как у всех колли, воротник ощетинился.

Не в силах даже пошевелиться, я осталась сидеть на прежнем месте, немая и застывшая, как сами эти камни, ошеломленно уставившись на подошедшего. Наконец я уже открыла рот, чтобы ответить, но мне помешал тихий гневный голос, на сей раз граничивший с чем-то, что (каким бы фантастическим ни показалось подобное предположение в такой благодатный день) очень напоминало об опасности.

— И чего ради тебе вздумалось возвращаться? Нет, ты мне скажи! Что ты собиралась делать? Заявиться прямо

ДЕРЕВО, УВИТОЕ ПЛЮЩОМ

домой и повесить шляпку на крючок? Если твоя идея именно такова, моя девочка, тогда очень советую обдумать ее еще раз, и поскорее! Знаешь ли, отныне тебе придется иметь дело не с твоим дедушкой, а со мной... Тут теперь я главный, милочка, и так оно и будет впредь. Так что смотри, поосторожнее.

Наконец я обрела дар речи. Какое бы сильное чувство ни полыхало между нами, но при его накале все, что я могла придумать в ответ, звучало бы невероятно глупо.

В конце концов мне удалось выдать из себя слабым и дрожащим голосом, больше похожим на писк:

— Я... я... простите, что вы сказали?

— Я видел, как ты садилась в автобус в Холлефорде. — Молодой человек тяжело дышал, точеные крылья носа побелели, как будто их кто-то ущипнул. — Не знаю уж, откуда ты возвращалась, — надо полагать, черт тебя подери, из Уайтскара. Ты села на хаузстедский автобус, а я поехал следом. Не хотел, чтобы ты заметила, как я подхожу, так что подождал, пока ты не поднимешься прямо сюда, потому что мне хотелось поговорить с тобой. С глазу на глаз.

Должно быть, при последней фразе, выразительно подчеркнутой, я переменялась в лице. В глазах молодого человека промелькнуло удовлетворение. Я испугалась, и его это радовало.

Что-то — надо думать, острый укол унижения, сошедший за прилив мужества, — помогло мне чуть-чуть прийти в себя.

— Послушайте, вы ошиблись! — резко и, наверное, излишне громко запротестовала я. — Я не...

— Ошибся? Даже не пытайся меня одурачить! — Одним легким движением (тело его было не менее красноречиво, чем лицо) он умудрился выразить угрозу, столь же искреннюю и ошеломляющую, как и следующие его слова: — А тебе не занимать выдержки, сучка, не так ли? После всех этих лет... как ни в чем не бывало заявиться обратно, при свете дня! Что ж, я тоже здесь... — Зубы его сверкнули. — Разве обязательно нужна глухая полночь для нашей прогулки по краю обрыва над водой? Помнишь? Ты бы ни за что не пришла помечтать тут в тиши, если бы знала, что я тоже приду, верно?

Я вскочила на ноги, на сей раз и вправду не на шутку перепугавшись. Нет, это не просто игра воображения — мой враг буквально излучал опасность. Как ни странно, но потрясающе красивая внешность лишь усиливала это ощущение — придавала ему театральности, из-за которой натиск и даже нарочитость казались вполне уместной частью представления.

Мне вдруг вспомнилось, каким отвесным и высоким казался утес, резко обрывавшийся всего в нескольких футах от меня. У его подножия, далеко-далеко внизу, рябился в порыве случайного ветерка Крэг-Лох, точно нейлоновая простыня на ветру.

Молодой человек шагнул ко мне. Костяшки пальцев, сжимавших тяжелую трость, побелели. На какой-то безумный миг мне захотелось повернуться и убежать, но позади меня тянулся крутой осыпающийся склон, справа путь преграждала Стена, а слева — обрыв над водой. И еще эта собака...

— Ты уже заходила на ферму? В Уайтскар?

Вопрос звучал резко, и я знала, что он очень важен.

ДЕРЕВО, УВИТОЕ ПЛЮЩОМ

Как все глупо! Необходимо это остановить. С трудом умудрившись совладать с поднимавшейся паникой, я кое-как выговорила ровным, хотя снова чересчур громким голосом:

— Не понимаю, о чем вы! Я вас не знаю! Я же сказала, вы ошиблись, и, насколько могу судить, вы ведете себя как опасный маньяк! Не представляю, с кем, по вашему мнению, вы разговариваете, но я вас в жизни не видела!

Молодой человек не шелохнулся, но эффект был таков, словно я остановила его выстрелом в упор. До сих пор я сидела вполоборота от него, однако теперь поднялась и развернулась. Мы стояли в двух шагах друг от друга. Глаза его расширились от изумления и недоверия, потом, при звуке моего голоса, по лицу пробежал отблеск сомнений, стерший с этого лица злость, а вместе с ней и угрозу.

Решив ковать железо, пока горячо, я снова заговорила — наверное, грубее, чем следовало, потому что еще не отошла от испуга и чувствовала себя крайне глупо:

— А теперь не будете ли столь любезны уйти и оставить меня в покое?

Несколько мгновений он стоял неподвижно, разглядывая меня, а потом произнес все еще сердитым тоном, к которому теперь примешивалось и некоторое сомнение:

— Пытаешься притвориться, будто не узнала меня? Я твой кузен Кон.

— Говорю же, ничего я не притворяюсь. Впервые в жизни вас вижу. И у меня нет никакого кузена Кона. — Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. — Похоже, хоть в этом мне повезло. Должно быть, у вас необыкновенно счастливая и дружная семья. Но, думаю, вы меня прости-

те, если не стану задерживаться, чтобы узнать вас лучше. Всего доброго.

— Послушайте, одну минутку... нет, пожалуйста, не уходите! Чудовищно жаль, если я и впрямь ошибаюсь! Но ей-богу...

Он все еще загоразивал тропинку, ведущую к ферме и на шоссе. Слева по-прежнему отвесно уходил вниз утес, вода далеко внизу вновь успокоилась и заблестела под безмятежным небом. Но тот, кто казался нарочитым воплощением угрозы, высящейся между мной и свободой, теперь сник и уменьшился до всего-навсего молодого человека весьма привлекательной наружности, на чьем лице сомнение постепенно таяло, превращаясь в виноватое смущение.

— Честное слово, мне так жаль! Простите! Должно быть, я вас сильно испугал. Боже праведный, и что только вы теперь обо мне думаете? Наверное, что я рехнулся или что-нибудь в том же роде. Просто передать не могу, как мне стыдно. Понимаете, я принял вас за одну свою знакомую.

— Об этом я уже догадалась, — сухо отозвалась я.

— Послушайте, пожалуйста, не сердитесь. Признаю, вы более чем вправе сердиться, но ей-богу... то есть это просто поразительно. Вы могли бы быть ею, действительно могли бы. Даже теперь, когда я вижу вас вблизи... о, наверное, как начинаешь выискивать, какие-то различия все же есть, но я все равно готов бы поклясться...

Он резко умолк, все еще тяжело дыша. Было совершенно очевидно, что он и вправду пережил огромное потрясение. И, несмотря на все извинения, по-прежнему глядел на меня так, словно никак не мог поверить мне, а не собственным глазам.

ДЕРЕВО, УВИТОЕ ПЛЮЩОМ

— Я тоже могу поклясться, если хотите, — сказала я. — Я вас не знаю. И зовут меня не Аннабель, а Мэри. Мэри Грей. И я никогда раньше не была в этой части света.

— Так вы американка. Ваш голос. Акцент совсем слабый, но...

— Канадка.

— Она, — медленно произнес молодой человек, — уехала в Штаты...

— Послушайте, — разозлилась я, — вы опять...

— Нет, пожалуйста, простите, я не то имел в виду! — Он в первый раз улыбнулся. Сквозь слабую дымку недоверия начало просвечивать обаяние. — Я вам верю, честное слово, верю, хотя чем больше на вас гляжу, тем фантастичней мне все это кажется, несмотря даже на ваш иностранный акцент... — Он с видимым усилием оторвал от меня этот пристальный взгляд, под которым становилось так неудобно, и нагнулся почесать за ухом колли. — Прошу, не сердитесь! — В быстро вскинутых глазах читалось лишь очаровательное извинение. — Должно быть, я вас до смерти напугал, так неожиданно наскочив и набросившись, точно призрак из прошлого.

— Мое прошлое, — колко возразила я, — никогда не порождало ничего подобного. Так вот какая встреча готовилась вашему блудному сыну? Я, э-э, так поняла, вы отнюдь не стали бы закалывать упитанного тельца в честь Аннабель. Вы сказали — Аннабель?

— Аннабель. Да, пожалуй, не стал бы. — Он отвернулся от меня, глядя вниз на расстилавшуюся внизу гладь озера и, казалось, всецело увлекся созерцанием пары лебедей, плывущих вдоль полосы тростников у противоположного берега. — Вы догадались, что я хотел напугать ее.